

повторили благоговейный поклон монаха. Величаво спокойная поза митрополита нашла себе опору в строгом прямом столбе монастырской стены, завершившей сложный мотив движения. Архитектурный фон выступает в этом клейме как вполне самостоятельная композиция, но ее ритмический строй выражает эмоциональный смысл изображенного события.

Иногда эта зависимость становится еще более сложной. В одном клейме представлено, как митрополит Алексей ведет беседу с игуменом Троицкого монастыря Сергием Радонежским. По своему содержанию — это одна из самых важных сцен в иконе. Смысл беседы выражен в архитектуре на фоне, в высоком шатре, сообщающем всей атмосфере нечто торжественное; сюжетно он не оправдан, так как действие происходит не в храме, но, вызывая в памяти образ сени над алтарем, он сообщает изображению сходство со сценами «поставления» в духовный сан, где подобный шатер постоянно встречается. Самое место торжественно и священо — потому торжественна и священна должна быть беседа старцев. За спиной митрополита стоит монах или послушник. В расположении этих двух фигур Дионисий следовал закону равноголовия — простой монах не может быть выше митрополита. В архитектуре на фоне эта тема развита еще более отчетливо: здание за спиной митрополита завершается полуциркулярной кровлей, и тот же ритмический мотив, но в сниженном, приглушенном тоне звучит в линиях абсиды, закругляющейся над головой послушника. Архитектура как бы досказывает тему, недостаточно отчетливо прозвучавшую в фигурной композиции. Архитектура не только аккомпанирует действию, зачастую она ведет главную мелодию; во всяком случае, архитектурные мотивы никогда не случайны, это особый ритмический язык, создающий в произведении второй план и делающий его понятным зрителю, даже когда самый сюжет изображения ему недоступен. Разве случаен светлый силуэт храма в том клейме иконы Алексея, где представлен митрополит, просящий Сергия отпустить из монастыря Андроника? Этот светлый силуэт походит на «светозарную» тень, падающую от фигур двух старцев и создающую внешнее, зрительное выражение их внутренней осиянности. Это переключается с одним из эпизодов жития Петра, где рассказывается, что, когда Петр вошел к патриарху константинопольскому, по комнате распространилось благоухание, — и патриарх понял, что перед ним избранник: «И вниде, по обычаю, в сбор ко преподобному патриарху Афонасию, исполнился храм благоухания, и разуме духом преподобный патриарх Афонасей, яко богом послан есть пути святительскому». ⁴⁴ Возможно, нечто подобное стремился передать в этом клейме и Дионисий. Не случаен и широкий изгиб кровли крыльца над головой Петра, уходящего из монастыря в пустынь, и беспокойный, убегающий ритм конусообразных башенок-зубцов монастырской стены. Все клейма обеих икон пронизаны архитектурным строем. В полукруглых завершениях высоких дверей и окон храмов как бы повторяется силуэт слегка склоненной человеческой фигуры; черные пятна дверных пролетов — словно многократное эхо темно-коричневого силуэта митрополита в его монашеской мантии.

А разве не архитектурны фигуры митрополитов в соединке? Облаченные в тяжелые негнувшиеся одежды, украшенные строгим архитектурным орнаментом, с белым куколом на голове, напоминающим церковную главу, — разве они не уподоблены белокаменному храму? Что такая ассоциация не произвольна, доказывают письменные источники. Сравнение

⁴⁴ Житие митрополита Петра, составленное Прохором. — В кн.: Макарий, архиепископ харьковский. История русской церкви, т. IV, СПб., 1866, стр. 309.